

Илюха Ольга Павловна

доктор исторических наук,
заместитель директора по научной работе
Института языка, литературы и истории
Карельского научного центра
Российской академии наук
dom-hors@mail.ru

Литвин Юлия Валерьевна

и.о. младшего научного сотрудника
Института языка, литературы и истории
Карельского научного центра
Российской академии наук
dom-hors@mail.ru

**ЗАБОТА О ЗДОРОВЬЕ
МАТЕРИ И РЕБЕНКА
В КАРЕЛЬСКОЙ ДЕРЕВНЕ
КОНЦА XIX – НАЧАЛА XX ВВ.:
СЕМЕЙНЫЕ ТРАДИЦИИ
И ПРОФЕССИОНАЛЬНАЯ
МЕДИЦИНА [1]**

Аннотация:

В статье рассматриваются, с одной стороны, характерные для карельской народной культуры представления о способах сохранения и восстановления здоровья матери и ребенка, описаны как рациональные, так и иррациональные практики народного целительства, с другой стороны, характеризуется процесс проникновения в деревню профессиональной медицинской помощи. Уделяется внимание проблеме сосуществования официальной медицины и народных традиций врачевания в условиях расширяющегося медицинского обслуживания крестьян, организованного земством.

Ключевые слова:

история материнства и детства, история медицины, карельская традиционная культура.

Ilyukha Olga Pavlovna

D.Phil. in History,
Deputy Director for Researches,
Institute of Language, Literature and History,
Karelian Research Centre,
Russian Academy of Sciences
dom-hors@mail.ru

Litvin Yulia Valerievna

Acting Junior Research Associate,
Institute of Language, Literature and History,
Karelian Research Centre,
Russian Academy of Sciences
dom-hors@mail.ru

**MOTHER AND CHILD'S
HEALTH CARE
IN THE KARELIAN VILLAGE
IN THE LATE 19 –
EARLY 20 CENTURIES:
FAMILY TRADITIONS
AND PROFESSIONAL MEDICINE [1]**

The summary:

The article considers, on the one hand, typical for Karelian folk culture ways to take care of mothers and children's health by revealing both rational and irrational folk healing practices; on the other hand, the article describes a process of professional medicine adoption by the countryside. The authors discuss problems of co-existing official medicine and folk healing traditions in the circumstances of spreading professional health care for peasants organized by the local self-governments (zemstvo).

Keywords:

history of maternity and childhood, history of medicine, Karelian traditional culture.

Каждая этническая культура вырабатывает свои особые, связанные со спецификой условий жизни, представления о способах сохранения здоровья человека и свою практику защиты от болезней и борьбы с недугами [2, с. 3–11]. Забота о здоровье матери и ребенка обеспечивает жизнеспособность потомства и поэтому является важнейшей составляющей не только народной медицины, но и этнической культуры в целом. Основываясь на материалах конца XIX – начала XX вв., попытаемся обрисовать в общих чертах как рациональные, так и иррациональные способы обеспечения здоровья матери и ребенка, характерные для карельской народной культуры, а также обратимся к проблеме столкновения и сосуществования профессиональной медицины и народных традиций врачевания в условиях расширяющегося медицинского обслуживания крестьян, организованного земством. Данный вопрос пока исследован лишь в самых общих чертах [3, с. 19; 4, с. 19; 5, с. 15; 6; 7] и нуждается в дальнейшей детальной разработке, что важно не только для

приращения знаний о карельской народной культуре, но и для понимания специфики процессов модернизации в различных регионах этнически пестрой Российской империи.

Универсальными свойствами народной культуры в целом является учет при выборе супруга (жены или мужа) фактора здоровья, проявлением которого признается внешняя и внутренняя красота человека. По этнографическим сведениям конца XIX – начала XX вв., карельская свадьба была наполнена ритуалами, направленными на защиту здоровья жениха и невесты – будущих отца и матери. Так, молодым супругам сразу после венчания полагалось выпить молока – «чтобы дети рождались белолицые, потом ягодного соку – чтобы дети были румяные» [8, с. 269]. Старые люди следили за луной: в безлунье не следовало зачинать детей (считалось, что из них вырастут глупцы, «малоумцы»). По народным представлениям, зачатые при убывающей луне дети рождаются болезненными и живут недолго, тогда как растущая луна признавалась самым подходящим временем (полагали, что зачатые в этот период дети рождаются здоровыми, отличаются умом и живут долго) [9, с. 28]. Обрядность, связанная с вынашиванием и рождением ребенка, насыщена магическими приемами и действиями, направленными на сохранение его здоровья, обеспечение счастья, девочкам – хорошей лемби – «славутности».

Финский исследователь Самули Паулахарью в начале XX в. записал в Карелии несколько десятков запретов, которые женщина должна была строго соблюдать при вынашивании ребенка. Вот лишь некоторые из них: «Нельзя решето в руки брать – у ребенка глаза болеть будут. Нельзя сидеть на пороге – будет ребенок завистливым. Нельзя на обгорелом дереве сидеть – ребенок будет черноголовый. Нельзя сидеть на оглобле, когда сани на улице, а оглобли на земле – ребенок будет кривой. После бани нельзя сушить лицо полотенцем – ребенок будет краснощеким...» [9, с. 29–30].

Приближение родов скрывали даже от родственников, боясь дурного глаза и порчи. Желая облегчить течение родов, женщины уходили рожать в укромное место – в баню или овечий закут в хлеву. Врач М. Каган, работавший в Петрозаводском уезде, отмечал в отчете за 1907 г., что «крестьянки забираются в хлева, чтобы там рожать, и обращаются к акушерке за помощью очень редко, и то в последнюю минуту, за врачебной же помощью вовсе не обращаются» [10, с. 7]. Чаше крестьянки прибегали к помощи сельских повитух, как правило, получавших специальные знания от матерей или других родственниц. Они, по словам современника, «умели хранить молчание» [11, с. 3], тогда как вызов акушерки или фельдшера становился обсуждаемым событием в деревне. Повитух «с легкой рукой» часто приглашали в другие деревни: «со знанием своего достоинства, с наговоренной водой в туюске, они важно идут к больному» [11, с. 3]. Знахарская практика включала в себя и способы прерывания беременности. Однако эти способы держались в тайне и самим врачевателем, и обращавшимся к ним женщинами.

Народные способы «родовспоможения» описал Н.Ф. Лесков. Чтобы вызвать роды, в том случае когда они не начинались своевременно, беременной женщине насыпали овса в задний подол рубашки, и она, наклонившись, скармливала овес лошади. В таком положении, писал Лесков, «ребенок волей-неволей должен был оставить насиженное место и с криком недовольства увеличить карельскую семью в качестве ее нового члена» [12, вып. 1, с. 23]. Рациональный момент такого подхода состоял в том, что женщина была вынуждена некоторое время сохранять позу, способствующую началу родов.

В критической ситуации использовался экстремальный способ «помощи»: «родильницу привешивают к «orsi-puu» (продольные и поперечные перекладины от одной стены к другой, на которых корельяки сушат сети, лучину и одежду), с силой нажимают на живот и таким способом выдавливают упрямого ребенка» [12, с. 23]. Лесков называет этот прием родовспоможения варварским, отмечая, что подобное «может случиться только в Каре-

ле». Вместе с тем подобная практика не уникальна, она имела место и у других народов. Например, у ненцев поперек чума укрепляли шест, на который роженица могла опираться или к которому ее подвязывали через подмышки ремнями [13, с. 90]. Результатом такого «содействия» было большое количество неблагополучных родов, сопровождавшихся смертью матери или младенца, а также послеродовые женские заболевания.

Появлению матери с новорожденным в доме предшествовал целый комплекс обрядовых действий, за выполнение которых ответственной была бабка-повитуха. Их значительная часть осуществлялась в бане, где мать и ребенок проводили три дня. Здесь гигиенические процедуры сопровождались магическими действиями, заговорами и заклинаниями, связанными с перевязыванием и отрезанием пуповины ребенка, его первым купанием и одеванием. Они должны были обеспечить младенцу здоровье, любовь родителей, сделать его послушным и разумным [14, с. 30–32].

Любовь карелов к чистоте известна: наблюдатели отмечали феноменальную чистоту в домах, где семья находилась под староверческим влиянием. Гигиена новорожденного была предметом особого внимания. Мыли детей обычно в корзинах – «березовых пестерчиках», в таких же корзинах тщательно, «до скрипу в руке», стирали детское белье (отдельно от взрослого) специально приготовленным для этого щелоком, а при необходимости кипятили в котле с золой. Этот обычай выглядит контрастно не только по отношению к среднерусскому региону, где запачканные детские пеленки не стирали, а лишь высушивали [15, с. 358], но и в сравнении с соседним Заонежьем, где из-за неопрятного содержания младенцев в жаркое время в постели подчас заводились личинки мух, а зимой пеленки примерзали к стенкам зыбки [16, с. 66].

Для защиты ребенка от дурного глаза, порчи и т. п. делали тайные обереги: это могли быть ножницы или другой металлический предмет, завернутые в тряпицу и спрятанные под подушкой или под матрацем ребенка. Более сложный оберег делали с использованием пуповины, которую следовало тщательно хранить. В одних случаях ее помещали в укромное место: в щель балки над печью или за притолоку двери, если дело касалось девочки, если мальчика – под порог. В других случаях кусочек пуповины помещали в ладанку, одевавшуюся на шею ребенка вместе с другими магическими предметами (например, медвежьим зубом) [17, с. 10]. Подобные обрядовые действия с пуповиной, воспринимавшейся как связующая нить поколений, выполнялись и в русских деревнях.

До полутора лет – на протяжении шести постов – ребенка старались не отлучать от груди. Нередко матери брали младенцев на полевые работы и сенокос, но когда матери приходилось работать вдали от дома, то ребенка уже через несколько дней после рождения начинали подкармливать коровьим молоком.

На основе изучения многолетних данных по Олонецкой Карелии установлено, что умершие в возрасте до 1 года составляли около 30 % общего количества новорожденных. Более 50 % детей, как и по всей России, умирали в возрасте до 10 лет – конца специфической детской смертности [18, с. 376–377; 19, с. 27]. Иная ситуация с младенческой смертностью была в северных карельских районах: так, в Повенецком уезде в начале XX в. она составляла около 15 %. Относительно низкая детская смертность связана со сложившейся в зонах влияния старообрядчества особой системой ухода за младенцами, в основе которой – высокие требования к санитарно-гигиеническим условиям содержания детей. В более северном Кемском уезде ситуация также была относительно благополучной: там младенческая смертность на рубеже XIX–XX вв. находилась на уровне 17 % и была самой низкой в Архангельской губернии, а в карельских приходах редко превышала 10 %. Уровень благосостояния семей торговцев-коробейников, уходивших на заработки в соседнюю Финляндию, относительно низкая рождаемость облегчали жизнь матерей и

создавали более благоприятные условия для ухода за детьми, что, по всей видимости, и вело к снижению детской смертности [20, вып. 1, с. 182–187].

Чаще всего (до половины общего числа детских смертей) регистрировалась такая причина летального исхода, как родимчик или родимец (rodimčikka – сев. кар.) – болезненный припадок, сопровождавшийся судорогами, потерей сознания и остановкой дыхания, что является, по современным представлениям, комплексом симптомов, общих для самых различных заболеваний, вызывающих сильные боли. То есть за термином «родимец» могут скрываться разные болезни со сходной симптоматикой. В земледельческих районах Карелии, как и по России в целом, пик детской смертности приходился на страдную пору: июль-август был связан с ранним отлучением от груди, занятостью родителей на сельскохозяйственных работах и недосмотром по этой причине за детьми.

В народе причина болезни могла рассматриваться как «приходное», то есть посланное лесовиком, баенником, домовым и т. д. за нанесенные оскорбления или непочтительное отношение. В таких случаях болезнь получала название сферы обитания духа-силы, ее приславшей: говорили, что ребенок или взрослый человек заболели *viennenä*, если считали, что болезнь пришла от воды; если источником хвори считался лес, точнее, его хозяева, тогда болезнь называли *mečänviha*. Входящая в состав термина лексема *viha* имеет значение «зло», наказание. Это зло посылается человеку за нарушение им этикета в каком-то природном локусе. Для избавления от болезни духов-хозяев следовало умилостивить жертвой, вернуть их расположение просьбой о прощении и отпущении. Болезнь могла быть послана и Богом за разного рода грехи. Например, существовало поверье, что если человек пройдет мимо иконы и не перекрестится, то он заболеет *jumalantaudi* (сев. кар., ливв.) – «болезнью, посланной Богом». В этом случае для избавления от недуга следовало, по меньшей мере, поставить перед иконой свечу и усердно помолиться.

У карельских крестьян была сильна вера в деревенских целителей, врачевавших не только с помощью снадобий, но и широко применявших в своей практике заговоры, заклинания и другие виды вербальной магии. В случае серьезного заболевания обращались к известным заклинателям (*tietaja*), но какое-то количество заговоров «для себя» знал каждый. Фельдшер А. Иванов из Сямозерской волости отмечал, что в карельской местности «...царству знахарей и колдунов «несть конца», здесь не редкость видеть какого-либо или какую-либо больную, плетущуюся за сотни верст к какой-либо «знаменитости» деревни в виде колдуна, – старика, который водит в баню, парит и обдает водой с особым «нашептом»...» [21, с. 7]. В лечении детей, как и взрослых, использовалась «наговорная соль» и другие народные лекарства, приготовленные из растений, минералов и продуктов животного происхождения. Тем не менее И.А. Шиф, почти десятилетие работавший в карельской местности, замечал, что начинающие врачи и фельдшеры склонны преувеличивать «темноту и невежество» карелов, что «некультурность» карелов мало отличается от соседних русских районов, где также развиты колдовство и знахарство [22, с. 19].

При лечении простуды особой популярностью пользовалась баня с березовым веником. В бане лечили детей от «щетки», натирая тельце медом с белой мукой, а затем прикладывая холст, к которому «прилипали щетки». Широко применялись и лекарственные растения. В каждом доме заготавливали зверобой, подорожник, мать-и-мачеху, березовые почки, ягоды малины и рябины, корень калгана [23, с. 105].

Специфическим способом врачевания детей ослабленных, медленно развивающихся было их «перепекание». Младенца обмазывали тестом и сажали на некоторое время в теплую печь. Подразумевалось, что ребенок возвращается в чрево матери, символизируемое печью, и переживает свое второе рождение. Таким способом в Карелии лечили, в частности, рахит, именуемый «собачьей старостью» – *koiganvanhus* [24, вып. 5, с. 99; 25,

с. 68]. Народным способом предотвращения золотухи было прокалывание ушей девочкам, по возможности одевание золотых серег. Сельские фельдшеры считали эту традицию не только бессмысленной, но и опасной, поскольку такая операция нередко приводила к развитию воспалительного процесса и разного рода осложнениям.

В целом в системе родовспоможения, ухода за детьми, в народной педиатрии и в традициях знахарства отразилась мифологическая картина мира карельского крестьянина, в которой причудливо переплетались пласты древних религиозных представлений о силах природы и месте в ней человека, языческие и христианские верования.

Проникновение профессиональной медицины а карельскую деревню, как и в российской в целом, связано с созданием земства. Земство Олонецкой губернии, созданное в 1864 г., развернуло широкую медико-санитарную работу в деревне, тратя на эти нужды до четверти всех своих средств [26, с. 2]. После реформы земских органов в 1890 г. расходная смета по медицинской части была увеличена в полтора раза [27, с. 2].

Развитие акушерского дела в крае шло непростым путем. В 1867 г. Петрозаводское уездное земство признало предложение врача Васильевского об обучении женщин повивальному искусству «тягостным и невозможным» [28, с. 22]. В следующем году данный вопрос был поднят вторично. На этот раз уже губернское земское собрание поддержало идею, однако желающих посвятить себя этой деятельности в Петрозаводском уезде не нашлось. Тогда уездное земство предложило снабдить непрофессиональных повитух «простыми доступными для понимания правилами повивального искусства» в качестве пособия при оказании помощи роженицам [29, с. 3].

В 1873 г. с целью развития профессионального родовспоможения в Олонецкой губернии была учреждена специальная стипендия для подготовки повивальных бабок. Обучение осуществлялось в Санкт-Петербургском родовспомогательном заведении. Кандидатка должна была уметь читать и писать на одном из европейских языков; представить свидетельство о своем поведении во Врачебную управу; сдать устный экзамен по повивальному искусству, который включал в себя знание анатомии женского тела, всего процесса родов и правил ухода за младенцем и матерью в послеродовой период [30]. Обученные основам повивального искусства девушки возвращались в деревни. Привлечение девушек именно из крестьянства олонецкий губернатор Г. Григорьев объяснял следующим образом: «Для развития в сельском населении правильных понятий и взглядов на необходимость и пользу приглашения обученных повитух для советов и акушерской помощи во время родов необходимы примеры, из которых они убедились бы на самом деле, что повитухи, взятые из его среды и обученные уходу за женщинами и детьми, должны вытеснить прежних неумелых бабок...» [31, л. 1]. В качестве распространения сведений об успехах олонецких акушеров губернатор предложил отпечатать и разослать для учительниц и учениц статью «Сельские повитухи в Олонецкой губернии», что и было сделано весной 1876 г. [31, л. 5–7].

К рубежу веков в штате Олонецкой врачебной управы состояло уже 60 повивальных бабок, которые содержались на средства земства [32, с. 38]. По данным переписи 1897 г., женщин репродуктивного возраста (15–49 лет) в Олонецкой губернии насчитывалось 90 932, то есть на 1 повивальную бабку приходилось более 1466 женщин [33, с. 12]. Тем не менее медицинский персонал редко приглашали для принятия родов – по данным уездных земств, они занимались в большей степени оспопрививанием. Недоверие к акушеркам было вызвано отношением к ним как к «барышням», существам изнеженным и слабым. И даже такой подход земства, как обучение повивальному делу крестьянских девушек, то есть взятых из той же социальной среды, не принес ожидаемого результата. По сообщению губернского издания, крестьянки не понимали, как может оказать помощь

девушка, еще не испытавшая «родовых болей» и за что ей выплачивается пособие, если она «такая же крестьянка, как и наши дочери» [34, с. 319]. В 1908 г. профессиональные повитухи в Петрозаводском уезде приняли лишь 285 младенцев [35, с. 117], тогда как, по официальным данным на 1906 г., родилось 3493 ребенка [36, прил. 13].

В 1910 г. Петрозаводске, благодаря ходатайству земства перед губернатором, фельдшерская школа была преобразована в фельдшерско-акушерскую. Однако в первый класс школы при наличии 10 мест поступило лишь 7 девушек [37, с. 30]: сказались и низкая привлекательность профессии повивальной бабки, и высокие требования к абитуриентам (для поступления в школу требовалось окончить 4 класса гимназии). В 1912 г. состоялся первый выпуск фельдшериц-акушеров – 6 женщин получили возможность заниматься родовспоможением [38, с. 23]. К 1910 г. практически каждый уездный город Олонецкой губернии был обеспечен профессиональной повитухой (за исключением г. Пудож). Старшая повивальная бабка, контролировавшая все акушерское дело в крае, находилась в Петрозаводске. Более того, почти все врачебные участки имели по 1 повивальной бабке. Вакантными оставались места лишь в Неккульской и Рыпущкальской волостях Олонецкого уезда [39, с. 148–150].

В начале XX в. олонецкий врач И.А. Шиф отмечал, что обеспечение населения надлежащей и своевременной медицинской помощью «еще очень и очень слабо» [40, с. 20]. Причину такого положения дел он видел прежде всего в значительных расстояниях между врачебными участками при малой плотности населения [40, с. 21]. К этому следует добавить отсутствие удобных путей сообщения и сезонную распутицу, затруднявшую оказание медицинской помощи. Вместе с тем отмечался постоянный рост числа обращений крестьян за помощью к профессионалам, что было несомненной заслугой земской медицины [41, с. 20; 42, с. 7; 43, с. 3]. III съезд земских врачей Олонецкой губернии, состоявшийся в мае 1908 г., определил наиболее уязвимые места в развитии здравоохранения. На первом месте по остроте и значимости оказалась проблема, связанная с психологией крестьянства: женщины по-прежнему чурались акушерской помощи, и развитие родовспоможения по этой причине отставало от других видов медицинской практики [44, с. 20].

История формирования системы медицинского обслуживания в Карелии дает немало ярких примеров того, с каким трудом крестьяне привыкали к новшествам, как нелегко было порвать пути традиционных представлений и привычек. Так, хлопоча в 1915 г. о награде для акушерки А.А. Ладвинской, четверть века прослужившей в Повенецком уезде, земская управа отмечала, что на первых порах «если кто и приглашал акушерку, то, согласно народных предрассудков и суеверий, старался делать это скрытно от окружающих... почему акушерке приходилось пробираться к роженице под покровом ночи, окольными путями, через изгороди, по рывтинам и затворкам» [45, л. 447]. В этом примере проявилось важное обстоятельство: формирующаяся сельская медицинская интеллигенция была вынуждена корректировать свои действия в соответствии с требованиями и традициями крестьянского сообщества.

С целью информирования населения о способах борьбы с детскими болезнями публиковались специальные статьи в местных изданиях, которые использовались сельскими учителями в просветительской работе. Массовая медицинская помощь детям выражалась прежде всего в оспопрививании. Например, в 1907 г. в Петрозаводском уезде фельдшеры и повивальные бабки сделали прививки против оспы 2389 детям. Успех прививок составил 95 %, что определялось качеством выполненной работы [46, с. 4].

Итак, к началу XX в. в Олонецкой губернии, включая ее карельские волости, была создана сеть акушерских и фельдшерских пунктов. В результате не только появились «опорные точки» для оказания специализированной медицинской помощи женщинам и

младенцам, но и расширились возможности распространения научно обоснованных элементарных медицинских знаний в крестьянскую среду. Проводниками методов официальной медицины были также сельские учителя, которым нередко приходилось оказывать крестьянам первую помощь, давать советы и разъяснять преимущества профессиональной медицины по сравнению с методами «лекарей-самоучек». Традиционные представления являлись препятствием на пути модернизации, идущей «сверху». Успехи в продвижении научных медицинских знаний в деревню были обеспечены благодаря усилиям земства и представителей формирующейся сельской интеллигенции, стремившихся учитывать в своей деятельности психологию крестьян. Тем не менее даже в 1930-х гг. в Карелии еще была жива традиция рожать тайно, прибегая к помощи знающей «бабки» [47, л. 14]. Преимущества сельской повитухи перед «дипломированным специалистом» для крестьянки были очевидны: она была «своей», от нее роженица ждала не только медицинской помощи, но и подмоги в хозяйственных делах в первые дни после родов.

Ссылки и примечания:

1. Работа выполнена при поддержке Программы фундаментальных исследований Президиума РАН «Традиции и инновации в истории и культуре».
2. Бромлей Ю.В., Воронов А.А. Народная медицина как предмет этнографических исследований // Советская этнография. 1976. № 5.
3. Баданов В.Г. Земство на Европейском Севере России (1867–1920 гг.) : автореф. дис. ... канд. ист. наук. Петрозаводск, 1996. 18 с.
4. Баданов В.Г. Три века Петрозаводска. Земская медицина в Петрозаводске // Петрозаводск. 2003. 17 июля.
5. Баданов В.Г. Земская медицина на Севере // Карелия. 2006. 2 февраля.
6. Левин С.М. Охрана народного здоровья в Карелии. Петрозаводск, 1972.
7. Илюха О.П. Школа и детство в карельской деревне в конце XIX – начале XX вв. СПб, 2007.
8. Макаров Г.Н, Рягов В.Д. Образцы карельской речи. Говоры ливвиковского диалекта карельского языка. Л., 1969.
9. Paulaharju S. Syntymä, lapsuus ja kuolema. Helsinki, 1995.
10. Оленев И.В. Карельский край и его будущее в связи с постройкою Мурманской железной дороги. Гельсингфорс, 1917.
11. Выгозерский край // Олонецкие губернские ведомости. 1905. 4 января (№ 1).
12. Лесков Н.Ф. Отчет о поездке к олонечким карелам летом 1893 г. // Живая старина. СПб., 1894.
13. Ильина И.В. Традиционная медицинская культура народов Европейского Северо-Востока. Сыктывкар, 2008.
14. Сурхаско Ю.Ю. Семейные обряды и верования карел. Л., 1985.
15. Егоров Б.Ф. Очерки по истории русской культуры XIX в. // Из истории русской культуры. Т. 5 (XIX век). М., 2000.
16. Логинов К.К. Семейные обряды и верования русских Заонежья. Петрозаводск, 1993.
17. Конкка У.С. Семейные обряды // Духовная культура сегозерских карел конца XIX – начала XX вв. Л., 1980.
18. Пространство и численность населения Олонецкой губернии // Памятная книжка Олонецкой губернии на 1904 г. Петрозаводск, 1904.
19. Kaschenko S. Venäjän Karjalan väestö 1700-luvun lopulta 1900-luvun alkuun // Väestö ja perhe Karjalassa. Население Карелии и карельская семья. Joensuu, 2003.
20. Шикалов Ю. Архангельская Карелия: задворки Востока или форпост Запада? Репродуктивное поведение крестьян Архангельской Карелии в конце XIX – начале XX вв. // Границы и контактные зоны в истории и культуре Карелии и сопредельных регионов. Гуманитарные исследования.
21. Иванов А. Вешкельский фельдшерский участок // Вестник Олонецкого губернского земства. 1909. № 11.
22. III съезд земских врачей. Санитарно-гигиеническая секция // Вестник Олонецкого губернского земства. 1908. № 13.
23. Никольская Р.Ф., Сурхаско Ю.Ю. О карельской народной медицине: рациональное и «иррациональное» в традиционном врачевании // Обряды и верования народов Карелии. Петрозаводск, 1994.
24. Линевский А.М. Карелы // Советская этнография : сб. ст. М. ; Л., 1941.
25. Мазалова Н.Е. Народная медицина локальных групп Русского Севера // Русский Север. СПб., 1995.
26. Барышников Н. Несколько цифр о деятельности Олонецкого губернского земства за истекшее тридцатилетие 1867–1902 гг. // Олонецкие губернские ведомости. 1904. 17 апреля (№ 42).
27. Барышников Н. Несколько цифр о деятельности Олонецкого губернского земства за истекшее тридцатилетие 1867–1902 гг. // Олонецкие губернские ведомости. 1904. 17 апреля (№ 43).
28. Лазук И.Г. Введение земских учреждений в Петрозаводском уезде и дальнейшее их развитие, начиная с 1866 года // Вестник Олонецкого губернского земства. 1912. № 9.
29. Лазук И.Г. Введение земских учреждений в Петрозаводском уезде и дальнейшее их развитие, начиная с 1866 года // Вестник Олонецкого губернского земства. 1912. № 12.

30. Правила об экзаменах медицинских чиновников // Полный свод законов Российской империи. Собр. 1. Т. XXXI. Разд. VII. Ст. 24298. § 2.
31. Национальный архив Республики Карелия (НА РК). Ф. 27. Оп. 1. Д. 12/6.
32. Обзор Олонецкой губернии 1897 г. Петрозаводск, 1898.
33. Первая всеобщая перепись Российской империи 1897 г. Т. XXVII. Олонецкая губерния. Тет. 1. СПб., 1899.
34. Сельские повитухи в Олонецкой губернии // Олонецкие губернские ведомости. 1876. 28 апреля (№ 30).
35. Отчет о положении медицинского и ветеринарного дела в Петрозаводском уезде // Труды III съезда земских врачей и председателей земских управ Олонецкой губернии 20–26 мая 1908 г. Петрозаводск, 1908.
36. Обзор Олонецкой губернии на 1906 г. Петрозаводск, 1907.
37. Начало занятий в фельдшерско-акушерской школе // Вестник Олонецкого губернского земства. 1910. № 17.
38. Экзамены в фельдшерской школе // Вестник Олонецкого губернского земства. 1912. № 7.
39. Памятная книжка Олонецкой губернии на 1910 г. Петрозаводск, 1910.
40. Шиф И. Земская медицинская помощь населению и фельдшера // Вестник Олонецкого губернского земства. 1907. № 3.
41. Логинов К.К. Указ. соч.
42. Иванов А. Вешкельский фельдшерский участок // Вестник Олонецкого губернского земства. 1909. № 11.
43. Георгиевский М.Д. Карелы // Вестник Олонецкого губернского земства. 1908. № 20.
44. Логинов К.К. Указ. соч.
45. НА РК. Ф. 305. Оп. 1. Д. 15/22.
46. Земская медицина в Петрозаводском уезде в 1907 г. // Вестник Олонецкого губернского земства. 1908. № 21.
47. Научный архив Карельского научного центра Российской академии наук. Разр. VI. Оп. 1. Д. 59.

References (transliterated) and notes:

1. The research was performed with support from the Program for fundamental researches by Presidium of the Russian Academy of Sciences "Traditions and innovations in the history and culture".
2. Bromley Y.V., Voronov A.A. Narodnaya meditsina kak predmet etnograficheskikh issledovaniy // Sovetskaya etnografiya. 1976. № 5.
3. Badanov V.G. Zemstvo na Evropeyskom Severe Rossii (1867–1920 gg.) : avtoref. dis. ... kand. ist. nauk. Petrozavodsk, 1996. 18 p.
4. Badanov V.G. Tri veka Petrozavodska. Zemskaya meditsina v Petrozavodske // Petrozavodsk. 2003. July 17.
5. Badanov V.G. Zemskaya meditsina na Severe // Kareliya. 2006. February 2.
6. Levin S.M. Okhrana narodnogo zdorov'ya v Karelii. Petrozavodsk, 1972.
7. Ilyukha O.P. Shkola i detstvo v karel'skoy derevne v kontse XIX – nachale XX vv. SPb, 2007.
8. Makarov G.N, Ryagoev V.D. Obraztsy karel'skoy rechi. Govory livvikovskogo dialekta karel'skogo yazyka. L., 1969.
9. Paulaharju S. Syntymä, lapsuus ja kuolema. Helsinki, 1995.
10. Olenev I.V. Karel'skiy kray i ego budushchee v svyazi s postroykoy Murmanskoy zheleznoy dorogi. Gel'singfors, 1917.
11. Vygozerskiy kray // Olonetskie gubernskie vedomosti. 1905. January 4 (№ 1).
12. Leskov N.F. Otchet o poezdke k olonetskim karelam letom 1893 g. // Zhivaya starina. SPb., 1894.
13. Il'ina I.V. Traditsionnaya meditsinskaya kul'tura narodov Evropeyskogo Severo-Vostoka. Syktyvkar, 2008.
14. Surkhasko Y.Y. Semeynie obryady i verovaniya karel. L., 1985.
15. Egorov B.F. Ocherki po istorii russkoy kul'tury XIX v. // Iz istorii russkoy kul'tury. Vol. 5 (XIX vek). M., 2000.
16. Loginov K.K. Semeynie obryady i verovaniya russkikh Zaonezh'ya. Petrozavodsk, 1993.
17. Konkka U.S. Semeynie obryady // Dukhovnaya kul'tura segozerskikh karel kontsa XIX – nachala XX vv. L., 1980.
18. Prostranstvo i chislennost' naseleniya Olonetskoy gubernii // Pamyatnaya knizhka Olonetskoy gubernii na 1904 g. Petrozavodsk, 1904.
19. Kaschenko S. Venäjän Karjalan väestö 1700-luvun lopulta 1900-luvun alkuun // Väestö ja perhe Karjalassa. Naselenie Karelii i karel'skaya sem'ya. Joensuu, 2003.
20. Shikalov Y. Arkhangel'skaya Kareliya: zadvorki Vostoka ili forpost Zapada? Reproductivnoe povedenie krest'yan Arkhangel'skoy Karelii v kontse XIX – nachale XX vv. // Granitsy i kontaktne zony v istorii i kul'ture Karelii i sopredel'nykh regionov. Gumanitarnie issledovaniya.
21. Ivanov A. Veshkel'skiy fel'dsherskiy uchastok // Vestnik Olonetskogo gubernskogo zemstva. 1909. № 11.
22. III s'ezd zemskikh vrachey. Sanitarno-gigienicheskaya sektsiya // Vestnik Olonetskogo gubernskogo zemstva. 1908. № 13.
23. Nikol'skaya R.F., Surkhasko Y.Y. O karel'skoy narodnoy meditsine: ratsional'noe i «irrational'noe» v traditsionnom vrachevanii // Obryady i verovaniya narodov Karelii. Petrozavodsk, 1994.
24. Linevskiy A.M. Karely // Sovetskaya etnografiya : sb. st. M. ; L., 1941.
25. Mazalova N.E. Narodnaya meditsina lokal'nykh grupp Russkogo Severa // Russkiy Sever. SPb., 1995.
26. Baryshnikov N. Neskol'ko tsifr o deyatel'nosti Olonetskogo gubernskogo zemstva za istekshee tridtsatiletie 1867–1902 gg. // Olonetskie gubernskie vedomosti. 1904. April 17 (№ 42).
27. Baryshnikov N. Neskol'ko tsifr o deyatel'nosti Olonetskogo gubernskogo zemstva za istekshee tridtsatiletie 1867–1902 gg. // Olonetskie gubernskie vedomosti. 1904. April 17 (№ 43).

28. Lazuk I.G. Vvedenie zemskikh uchrezhdeniy v Petrozavodskom uезде i dal'neyshee ikh razvitie, nachinaya s 1866 goda // Vestnik Olonetskogo gubernskogo zemstva. 1912. № 9.
29. Lazuk I.G. Vvedenie zemskikh uchrezhdeniy v Petrozavodskom uезде i dal'neyshee ikh razvitie, nachinaya s 1866 goda // Vestnik Olonetskogo gubernskogo zemstva. 1912. № 12.
30. Pravila ob ekzamenakh meditsinskikh chinovnikov // Polniy svod zakonov Rossiyskoy imperii. Sobr. 1. Vol. XXXI. Part VII. Art. 24298. § 2.
31. Natsional'niy arkhiv Respubliki Kareliya (NA RK). F. 27. Op. 1. D. 12/6.
32. Obzor Olonetskoy gubernii 1897 g. Petrozavodsk, 1898.
33. Pervaya vseobshchaya perepis' Rossiyskoy imperii 1897 g. Vol. XXVII. Olonetskaya guberniya. Tet. 1. SPb., 1899.
34. Sel'skie povitukhi v Olonetskoy gubernii // Olonetskie gubernskie vedomosti. 1876. April 8 (№ 30).
35. Otchet o polozhenii meditsinskogo i veterinarnogo dela v Petrozavodskom uезде // Trudy III s"ezda zemskikh vrachey i predsedateley zemskikh uprav Olonetskoy gubernii 20–26 maya 1908 g. Petrozavodsk, 1908.
36. Obzor Olonetskoy gubernii na 1906 g. Petrozavodsk, 1907.
37. Nachalo zanyatiy v fel'dshersko-akusherskoy shkole // Vestnik Olonetskogo gubernskogo zemstva. 1910. № 17.
38. Ekzameny v fel'dsherskoy shkole // Vestnik Olonetskogo gubernskogo zemstva. 1912. № 7.
39. Pamyatnaya knizhka Olonetskoy gubernii na 1910 g. Petrozavodsk, 1910.
40. Shif I. Zemskaya meditsinskaya pomoshch' naseleniyu i fel'dshera // Vestnik Olonetskogo gubernskogo zemstva. 1907. № 3.
41. Loginov K.K. Op. cit.
42. Ivanov A. Veshkel'skiy fel'dsherskiy uchastok // Vestnik Olonetskogo gubernskogo zemstva. 1909. № 11.
43. Georgievskiy M.D. Karely // Vestnik Olonetskogo gubernskogo zemstva. 1908. № 20.
44. Loginov K.K. Op. cit.
45. NA RK. F. 305. Op. 1. D. 15/22.
46. Zemskaya meditsina v Petrozavodskom uезде v 1907 g. // Vestnik Olonetskogo gubernskogo zemstva. 1908. № 21.
47. Nauchniy arkhiv Karel'skogo nauchnogo tsentra Rossiyskoy akademii nauk. Razr. VI. Op. 1. D. 59.